

И задохнулся: “Анна! Боже мой!”

Фото Н.САМОУИЛОВА

Евгения Симонова рискнула, пожалуй, не меньше, чем Анна Аркадьевна Каренина, решившая покинуть мужа под злобное шипение “света”. Остаться один на один с великим романом, да еще в такой авангардной, почти эксцентрической трактовке — поступок, требующий смелости и мужества. Правда, театральное агентство “Богис”, возглавляемое Галиной Боголюбовой, уже приучило нас к сценическим явлениям неординарного порядка.

“Анне Карениной”, явившейся постановочно-театральным дебютом мужа актрисы, кинорежиссера Андрея Эшпая, вероятно, уготована сложная сценическая судьба. Вновь и вновь этот моноспектакль будет раскалывать зрительный зал на две враждебные половины. Одна из

них уже на премьере категорически утверждала, что “это не Толстой”. Другая не без труда, но с явным интересом пыталась проникнуть в бредово-сновиденную стилистику постановки, определенную фразой из толстовской “Исповеди”: “Я пытаюсь проснуться и не могу”.

Литературная разработка, заменившая собой привычное понятие “инсценировки” и выполненная А.Эшпаем при участии А.Ермилова, вовсе и не предполагала последовательного охвата всех или хотя бы главных сюжетных коллизий романа. В ее основе — последние минуты жизни Анны, роковой путь из Москвы в Обираловку. Минуты горячего бреда, граничащего с сумасшествием, когда в поврежденном сознании вспыхивают яркие видения — лиц, встреч и

прощаний. Она здесь — сама себе судьба, защитник и обвинитель, сама выносит жестокий приговор.

Симонова не играет Анну Каренину. Она играет с ней и в нее. Как дети — в куклы: то отстраненно, то всерьез. Она и сама порой напоминает грустного Пьеро, меняющего маски и одежды (костюмы В.Брагиной). Пьеро одинок — от близких и неблизких, но живых людей осталась внешняя оболочка: вицмундир Каренина, эполета Вронского, вуаль Кити... Симонова примеривает это на себя, и на минуточку перевоплощается, и пытается вступить в диалог — но он так и не завязывается, тонет в безнадежности собственного голоса.

Здесь нет ни романтики, ни традиционных примет быта. И самого быта нет вообще — исто-

рия без времени и корней, ее дом — театр. Белые тюлевые сугробы ли, облака или вовсе райские кущи (если Бог простил) — ясно, что “другие берега” (сценография С.Якунина). Анна кажется бесплотной, лишенной той самой чувственности, из-за которой и страдала. Но не холодно-равнодушной — наоборот, язвительной, саркастичной, нервной, порой же смешной и нелепой. Нацепив странно-огромную “шляпу”, она может лихо проехать на белом самокате, что-то нестройно напевая. Может замереть в изломанной, почти акробатической позе — и вновь в безумии замататься по сцене, запутываясь в “облаках-сугробах” (балетмейстер М.Лавровский). И всюду ей постоянно попадают под руки маленькие игрушечные шпалы — внятный символ роковой предо-

пределенности. И финал — опоясав себя железным обручем-шпалой, она закружится на каком-то смертельном колесе-аттракционе, а тюль плавно упадет вниз, обнажив металлический холод конструкций...

Да, Симоновой приходится подчас бороться с несовершенством монотонно-круговой сценической композиции, с ее повторами и провалами, недостатком динамики. Но она все же смело пытается уйти и от собственного, годами складывавшегося имиджа трогательной “девочки-женщины”, и от устаревших “каренинских” штампов. Они, кажется, еще не вполне успели сродниться — актриса и ее героиня. Но ведь сыграно пока только два спектакля...

Ирина АЛПАТОВА